

Е.Г.Борисова

СИСТЕМНОСТЬ И УЗУС (НА МАТЕРИАЛЕ КОЛЛОКАЦИЙ)

В статье рассматриваются проблемы соотношения узуса и системности на материале коллокаций (типа *вести беседу, горячая любовь* и т.п.). Эта категория словосочетаний, как и фразеология в целом, обычно представляется типичным примером узуальности в языке. Одно из названий этих единиц - несвободные сочетания - показывает, что их важнейшее свойство - нарушение алгоритма свободной сочетаемости. Однако и среди них можно обнаружить немало тенденций к алгоритмизуемости. Но для выявления этих тенденций придется принять более широкое понимание алгоритма, которое противоречит "строгим" направлениям (например, структурному), однако соответствует тому, что принимается во внимание (часто имплицитно) в "человекоориентированных" направлениях, например, в лингводидактическом (т.е. в разработках, связанных с преподаванием неродных языков).

§1. Несвободная сочетаемость

1.1. То, что мы называем коллокациями, в традиционной фразеологии называется несвободными или устойчивыми словосочетаниями (см. Мордвилко 1964) или фразеологическими сочетаниями (см. Виноградов 1972, 27). В качестве основного признака, отличающего их как категорию от других единиц языка, в русской фразеологической традиции обычно признают наличие двух и более компонентов, один из которых сохраняет свое значение, а другой - или другие - его меняют. Это определение, позволяющее разграничить "фразеологические сочетания" и идиомы, оказывается недостаточно полным и плохо применимым, когда речь идет о выделении коллокаций среди свободных словосочетаний, что является более насущным требованием. Действительно, не совсем понятно, в каком смысле можно говорить о переосмыслении, например, глагола *оказывать*, который употребляется только в несвободных сочетаниях и другого значения не имеет;

можно ли говорить о переосмыслении глаголов *совершать*, *производить* и некоторых других, образующих словосочетания, которые никто не считает свободными.

Поэтому в последнее время используется другой критерий - насколько возможно предсказать употребление именно данных компонентов в процессе выражения какого-либо значения. В несвободных сочетаниях такое предсказание возможно только относительно одного "свободного" или "ключевого" компонента, напр. *симпатия*, тогда как выбор других слов - *питать* (симпатию), *глубокая* (симпатия) и т.п. не предсказывается на основании значений этих слов без обращения к контексту (что должно отражаться в словарях).

Иными словами, главным признаком коллокаций оказывается несоответствие алгоритмам свободной сочетаемости, которые мы сейчас рассмотрим.

1.2. В большинстве работ, посвященных проблемам сочетаемости слов, указывается на связь сочетаемости с семантикой: если в значениях слов есть совпадающие элементы, они сочетаются (см. Гак 1972).

Более точно сформулировано правило сочетаемости в работе Вейнрейх 1970: если значения слов не противоречат друг другу, то слова могут сочетаться.

Эта модель требует некоторого уточнения для промежуточных случаев, когда сочетание не запрещено, но нежелательно (причем степень нежелательности может быть различной), например, *за едой он использовал ложку* (сочетание *использовать ложку* в данном случае нежелательно). Более точно было бы говорить о возможности сочетаемости, определяемой путем сравнения нескольких возможных слов: насколько в данной комбинации они хорошо выражают именно то, что хотел сказать говорящий (в нашем примере более точным выражением требуемого смысла будет *пользоваться ложкой*).

Наконец, существует представление, что сочетаемость слов определяется возможностью соположения концептов, отражаемых этими словами (см. Копыленко, Попова 1973).

В любом случае свободная сочетаемость оказывается алгоритмическим процессом: на основании сведений, которыми располагает любой владеющий языком, можно сделать вывод о возможности сочетания слов.

Если же этого вывода сделать нельзя или он противоречит реально наблюдаемым фактам, мы говорим о несвободной сочетаемости, к которой в первую очередь относятся коллокации. (Столь же несвободными оказываются и идиомы, речевые штампы и некоторые

другие разряды фразеологии, которые имеют каждые свой отличительный признак. Особенностью коллокаций оказывается несвободность употребления только одного компонента при том, что другой употребляется свободно).

§2. Системность в несвободной сочетаемости

2.1. Исходя из того, что основным свойством коллокаций, отличающим их от свободных словосочетаний, оказывается узуальность их образования, нам представляется особенно интересно именно на этом множестве единиц обнаруживать системы, связанные с различными алгоритмами. Наиболее значительной, охватывающей приблизительно четыре пятых всех единиц, является система лексических функций (см. Жолковский, Мельчук 1967).

Заметим, что в принципе эта система, отражающая неэффективность (в некоторых случаях) алгоритма речепорождения, охватывает разнообразные явления: парадигматические отношения (синонимия - функция Syn, антонимия - Anti), словообразование и даже формообразование (Sing). Однако в большинстве случаев средствами выражения лексических функций являются компоненты коллокаций.

2.2. С точки зрения преподавания какого-либо языка (а лексические функции обнаруживаются в языках разных типов) система смысловых соответствий, описываемая лексическими функциями, в применении к словосочетаниям, имеет свои особенности. В нынешних психологических и методических построениях можно усмотреть их место рядом с так называемыми интенциями, т.е. намерениями говорящего произвести какое-либо речевое действие. Чаще всего под этим подразумевают различные типы речевых актов: вопросы, просьба, приказ и т.п. Однако можно рассматривать намерения и в более узком понимании, как очень обобщенные смыслы, которые допускают различные средства выражения, и, следовательно, не могут рассматриваться как простая совокупность значений нескольких слов. Например, намерение говорящего сообщить об отрицательной оценке другого человека допускает использование несинонимичных слов *плохой*, *негодяй*, *сомнительный тип* и т.п., а также интонационных средств, междометий и т.д. Выбор между этими средствами определяется целым рядом факторов: необходимостью более точного отражения реальности, или прагматическими аспектами: с кем и о ком говорят (см. Борисова 1990, 96). В ряду этих факторов может оказаться и контекст - уже выбран-

ное слово, с которым должно сочетаться средство выражения интенции, например, *обманщик (низкий)*, что даст нам коллокацию, выражающую лексическую функцию (в данном случае AntiBon). Таким образом, в лингводидактической парадигме лексические функции занимают место среди других средств представления намерений говорящего.

Естественно, учитывая требования возможности запоминания, а также особенностей функционирования, число лексических функций сокращается, состав изменяется (подробное описание видоизмененной системы см. в Борисова 1990, 97). Однако главное, что нас интересует в данном случае - сам факт наличия системной организации среди коллокаций - остается неизменным, что еще раз подтверждает плодотворность выделения около тридцати лет назад этого понятия.

§3. Коллокации в алгоритмах анализа и синтеза речи

3.1. Несмотря на узуальность образования коллокаций, ведутся многочисленные поиски закономерностей их образования, позволившие бы приблизить их к условиям образования свободных словосочетаний.

3.1.1. В первую очередь, делаются попытки увидеть общность свойств существительных, употребляющихся с одним и тем же глаголом или прилагательным. Одной из первых таких попыток была работа Лариохина 1967, которая выделила несколько достаточно крупных семантических групп существительных, употребляющихся с глаголами *совершать*, *делать*, *производить*. Почти одновременно было сделано описание существительных, сочетающихся с различными прилагательными при выражении значения высокой степени (Убин 1978). Некоторые подобные закономерности подмечены и в Копыленко 1973.

Получающиеся группы в некоторых случаях оказываются очень полными: почти все слова, имеющие общий компонент значения "путешествие", сочетаются со словом *совершать*, однако не все - иначе это была бы уже свободная сочетаемость, исключение тут - *сплав*, т.е. водное путешествие вниз по реке. Поэтому мы не можем говорить об алгоритме в классическом понимании - правило оказывается неполным, т.е. в применении к некоторым элементам множества, на которых оно должно действовать (в нашем случае существительных со значением путешествия), оно дает результат, отличающийся от реально наблюдаемого.

Для таких правил говорить о правильности результата можно только с определенной долей вероятности, поэтому такие алгоритмы мы называем вероятностными. Элементы множества, на которых алгоритм дает сбой, являются исключениями и в принципе могут быть перечислены. Однако если вероятность правильного результата высока, т.е. исключения редки или относятся к особым подсистемам языка и т.п., ими можно пренебречь.¹

Таким образом, в нашем случае перед нами вероятностный алгоритм. Т.е. говоря о словах, обозначающих путешествия, можно с большой долей вероятности говорить, что они будут сочетаться со словом *совершать*.

3.1.2. В целом, почти каждый несвободный элемент словосочетания обладает способностью образовывать ряды ключевых компонентов, с которыми он сочетается, причем эти ряды очевидным образом объединяются семантически. Интересно, что в некоторых случаях эта тенденция даже способствует размыванию внутренней формы, как например, в случае *брать под стражу* - *брать под арест*, где конкретное *стража* переосмысливается и входит в ряд с абстрактным *арест*.

Однако только для некоторых глаголов и прилагательных, образующих достаточно большие ряды коллокаций (их число не превышает 15-20, хотя коллокации с ними составляют более половины всех, отмечаемых в словарях), мы можем говорить о предсказании возможности образования коллокации на основе только значений ключевых компонентов. И то, как мы отметили выше, предсказание будет носить вероятностный, не стопроцентный характер. Алгоритм будет неполным (т.е. относится не ко всем коллокациям) и вероятностным. Практически во всех остальных случаях степень вероятности предсказания сочетания гораздо меньше, и выделение вероятностного алгоритма теряет смысл.

3.1.3. Однако и в этом случае можно усмотреть некоторую организацию материала, которая ускользает от внимания, если рассматривать алгоритмы только в классическом понимании. Мы не можем предсказать сочетаемость *брать под арест*, если не знаем этого сочетания из словаря, но мы можем предположить, узнав о такой коллокации, что ее существование связано с наличием коллокации *брать под стражу* и с близостью значений слов *стража* и *арест*. Эта информация может быть полезна, если речь идет о необходимости запомнить эту коллокацию. Кроме того, она позволяет понять эту коллокацию, если она встретится в тексте.

Поэтому закономерности такого рода широко использовались преподавателями иностранных языков, а в некоторых случаях и в теоре-

тических разработках. Например, употребление словообразовательных элементов не алгоритмизируется полностью, но сведения о значениях суффиксов и приставок собираются теоретиками и используются при преподавании соответствующего языка.²

Рассматриваемые нами правила отличает от обычного алгоритма то, что правило ставит исходному элементу (в нашем случае ключевому слову) в соответствие более чем один элемент (глагол мог оказаться не только *брать*, но и, в принципе, *помещать*, т.к. возможно *помещать под стражу* и т.п.). То, что для ключевого слова *арест* выбирается только *брать*, определяется узусом. Однако в обратную сторону соотношение однозначное, поэтому правила такого рода мы называем односторонними алгоритмами.

Рассматриваемые нами правила, связывающие образование коллокаций с семантической общностью ключевых слов, и является таким односторонним алгоритмом: хотя про каждое существительное мы можем предположить только с долей вероятности, с каким глаголом оно будет сочетаться, увидев сочетание, мы можем понять, откуда оно появилось.

3.1.4. Заметим, что при наличии больших рядов ключевых слов исключения среди них иногда тоже формируют семантическую общность. Например, большинство существительных со значением деятельности, не сочетающиеся с глаголом *вести*, имеют общее значение 'деятельность незначительных масштабов', например, **вести бритье, печатанье на машинке* и т.п. В этом случае мы можем говорить об исключении, относящемся не к отдельным словам, а к их значениям. Т.е. "привязка" узуса осуществляется не на поверхностном, а опять на семантическом уровне.

В тоже время это явление может быть представлено как частный алгоритм, изменяющий основной алгоритм. Таким образом, получается, что связь узуса и алгоритма более тесная, чем это принято считать.³

3.2. В нашем случае также естественно желание попытаться усмотреть некоторую систему в области исходных значений несвободных компонентов коллокаций, или, иными словами, увидеть прототипы, послужившие основанием для метафор, легших в основу словосочетаний. Сохранение семантических связей исходных значений, которые могли бы способствовать предсказанию несвободной сочетаемости, проявляется в случаях, которые мы сейчас собираемся рассмотреть.

3.2.1. Было замечено, что некоторые несвободные компоненты, сочетающиеся с одним и тем же ключевым словом, сохраняют парадигматические отношения, свойственные этим словам в свободном употреблении. Например, возможность сочетания с глаголом *вести* почти всегда имплицитно подразумевает сочетаемость с глаголом *идти* в значении самостоятельного процесса: *вести войну - идет война, вести беседу - идет беседа, вести торги - идут торги*. Соотношения между значениями глаголов движения *вести* и *идти* - каузация и самостоятельное действие - сохраняются и в несвободных сочетаниях.

Можно отметить также группы глаголов *ставить - стоять* (*ставить задачу, условия - стоит задача, условие*), смешанные группы глагол-прилагательное *расти - высокий, падать - низкий*, и соответственно группы прилагательных *высокий - низкий, широкий - узкий*. Однако в большинстве случаев такие группы имеют незначительное общее число слов, с которыми они сочетаются. Так что и в этом случае можно говорить о том, что алгоритм образования коллокаций, базирующийся на уже имеющейся коллокации и семантических связях несвободного компонента, является очень неполным. Т.е. зная словосочетание *высокие стремления* и соотношение слов *высокий - низкий*, нельзя с уверенностью предсказать возможность сочетания *низкие стремления*.

3.2.2. Есть определенное число случаев, когда вокруг какого-то ключевого слова формируется целая группа несвободных компонентов, семантически связанных между собой, что позволяет провести аналогию между значением ключевого слова, обычно абстрактным, и каким-то словом с конкретным значением, допускающим такую же сочетаемость, которая в этих случаях будет свободной. Например, авторитет может быть *дутым*, может *лопнуть*, что объединяет его с пузырем (см. Успенский 1979, Арутюнова 1976).

Такие соответствия позволили Дж.Лакоффу говорить сначала о гештальтах, организующих наше восприятие абстрактного мира по подобию конкретного, а затем и о метафорах, которыми мы живем.⁴

Вначале Дж.Лакофф, а затем его последователи стали выявлять комплексы метафор (в том числе и коллокаций), которые позволяют представлять какое-то понятие совместно со связанными с ним явлениями как некоторое другое понятие, например "Спор" как "Война", "Время" как "Ресурс" (см. Lakoff, Johnson 1980).

Наличие таких параллелей не может вызывать сомнения. Однако не вполне очевидно, что их следует относить к особенностям восприятия мира, а не к образованию нового значения у слов *вести, яростный* и т.п., сочетающихся и со словом *спор*, и со словом *война*, что и позволяет им расширять таким образом свою сочетаемость.⁵

Наши наблюдения, отраженные в Борисова 1989 (о сочетаемости слова *перестройка*), показывают, что новые слова, возникающие в языке или приобретающие новое значение, оказываются втянутыми в круг несвободной сочетаемости, совпадающий с сочетаемостью наиболее близких к нему понятий, причем эта близость может и не осознаваться на эксплицитном уровне, что служит доказательством наличия у несвободных компонентов значений, и следовательно, мы можем говорить об алгоритме, на нем базирующемся.

3.3. Помимо ключевых или свободных компонентов (в большинстве случаев - существительных) предпринимались попытки установить закономерности образования коллокаций, опираясь на значения несвободных компонентов.

В принципе в этом случае можно идти двумя путями: опираться на исходные значения несвободных компонентов, напр. на прямое значение глагола *вести*, прилагательного *высокий* и т.п., или же строить правила, исходя из тех значений, которые это слово может иметь уже в составе словосочетания.

3.3.1. Остановимся на втором пути, который может встретить некоторые теоретические возражения: имеет ли несвободный компонент собственное лексическое значение, насколько некоторый фрагмент значения относится к несвободному компоненту, а в чем он принадлежит всей коллокации в целом.

В работе Reuther 1994 предпринимается попытка (с нашей точки зрения, удачная) определить значения глаголов *вести*, *проводить*, *производить* в составе коллокаций. Этим доказывается обоснованность обращения к значениям несвободных компонентов. Однако, такие попытки возможны только для глаголов, образующих большие ряды сочетаемости. В остальных случаях описания значений приобретают тавтологический характер, т.к. если слово сочетается с одним-двумя существительными, например, *щекотливый вопрос*, *щекотливое положение*, выделить значение прилагательного из значения коллокации почти невозможно (или оно будет сводиться к обобщенному представлению в виде лексической функции, что не даст достаточных оснований для предсказания сочетаемости).

В любом случае рассматриваемый нами алгоритм предсказания сочетаемости на основании новых, несвободных значений компонентов оказывается очень неполным: он применим далеко не ко всем коллокациям. Но даже и в тех случаях, когда он применим, он будет только вероятностным: семантика несвободных компонентов не позволяет однозначно предсказать их сочетаемость точно так же, как

этого не позволяет семантика свободных компонентов. Однако, как и во многих других случаях с коллокациями, мы здесь имеем одно-сторонний алгоритм: если мы уже знаем о возможности сочетания, мы понимаем, какие компоненты смысла это обеспечили.

3.3.2. Обращение к исходному значению несвободного компонента близко к процессам предсказания сочетания на основе метафоры, рассмотренным выше. Поскольку метафорические процессы, базирующиеся на каких-то прототипах, как правило, определяются одно-сторонними алгоритмами, и в этом случае перед нами будут именно такие алгоритмы. Попытки нахождения правил, позволяющих, например, от значения глагола движения *вести* перейти к коллокациям *вести беседу* (но не, к примеру, *треп*), *вести сев* (но не *причесывание*) не дали, насколько нам известно, убедительных результатов, в лучшем случае они вероятностны. А вот объяснения, почему одно можно, а другое нельзя, имеются (см. Телия 1981), что характерно для одно-сторонних алгоритмов.

3.4. Рассмотрим теперь обратное действие - возможность понимания словосочетания на основании прямых значений слов, в него входящих. В этом случае можно говорить об алгоритме распознавания, базирующемся на знании прямых значений слов - ситуация, обычная при изучении неродного языка. В большинстве случаев соотношение между прямым и несвободным значениями оказывается достаточно алгоритмизуемым: прямое значение более конкретно, но в то же время содержит те компоненты, которые составляют значение несвободное. Например, в Reuther 1994 отмечается общий компонент значений глагола *вести* в свободном и устойчивом употреблении: активное действие субъекта. Наличие соответствий такого рода отмечается и в Телия 1981.

По сравнению с алгоритмами образования коллокаций алгоритм их распознавания гораздо более полон и эффективен. Однако и он не является стопроцентным: есть некоторое число случаев, когда понимание незнакомой коллокации на основании значений входящих в нее компонентов затруднено. Например, *питать ненависть* нередко интерпретируется изучающими русский язык неоднозначно: или как 'испытывать ненависть' (Opep1, чем оно и является на самом деле) или 'возбуждать в ком-то ненависть' (Caus). Прямое значение глагола *питать* дает основания для обеих интерпретаций. Неоднозначность понимания возникает и в том случае, когда слово имеет несколько значений как несвободный компонент. Например, *низкий* с разными именами используется и как AntiMagn (*низкая посещаемость*) и как Mal

(*низкое коварство*). Поэтому имеется ряд случаев, когда распознавание одного из значений затруднено возможностью понимания во втором значении: *низкая преступность* как 'совершение очень подлых преступлений'. Заметим, что если объяснить, что это значит на самом деле, станет ясно, почему это так, т.е. обратный алгоритм в этом случае имеется.

Наконец, есть ряд случаев (довольно, впрочем, малочисленных), когда слово в современном употреблении не имеет прямого значения (*оказывать, совершать*), и алгоритм невозможен в принципе.

Таким образом, интересующий нас алгоритм в некоторых случаях оказывается вероятностным, в других только обратным, а на некоторых элементах множества не применим вовсе (т.е. неполный).⁶

Однако неполнота при распознавании незначительна, и в целом в эту сторону мы имеем почти полный алгоритм (который и является обратным по отношению к одностороннему алгоритму порождения).

§4. Коллокации в грамматической системе

4.1 Рассмотрим теперь, как ведут себя коллокации в существующих алгоритмах, в частности, в словоизменительных и других, связанных с грамматикой. В общем, поведение их можно признать достаточно упорядоченным. Их включение в грамматические алгоритмы языка осуществляются при помощи одного правила: "Каждый компонент коллокации должен вести себя как отдельное слово". Еще проще будет выглядеть такой алгоритм, если уточнить: "Компонент ведет себя так же, как то же слово в свободном употреблении". Такой алгоритм, в целом весьма полый и очень эффективный, тем не менее имеет целый ряд исключений, на которых, как на проявлениях узуса, мы и остановимся.

4.2.1. Наиболее существенным - или, точнее, наиболее заметным - отличием парадигматики коллокаций от парадигм их свободных компонентов является глагольный вид: некоторые глаголы, имеющие видовые пары в свободном употреблении, в составе коллокаций теряют связь с соответствующей парой и становятся непарными, например, *пользоваться* - *воспользоваться*, но только *пользоваться авторитетом*, *возлагать* - *возложить*, но только *возлагать надежды*. (Заметим, что в других коллокациях этот глагол остается парным: *возлагать* - *возложить вину*, *ответственность*). Наличие видовой дефектности отмечено, например, в Широкова 1983, 12.

В большинстве случаев эта дефектность, как и в свободных употреблениях, заключается в отсутствии совершенного вида. Отсутствие

несовершенного вида для свободных словосочетаний - вещь, в принципе исключенная (если отвлечься от проблем, связанных с признанием парности глаголов): даже если процессное значение не выражается, всегда остается возможность несовершенного вида в значении многократности. Однако для коллокаций такая возможность существует: некоторые глагольные коллокации не допускают несовершенного вида даже в значении многократности, ср. *читать* - *почитать*, но только *почитать память*. Близко к такому запрету *войти в историю* (при том, что инфинитивное сочетание *входить в историю* кажется допустимым, личные формы не отмечены и кажутся носителям крайне неудачными).

В некоторых случаях такая вновь возникшая дефектность имеет семантические причины. Глагол в составе коллокации меняет свое значение, и уже оно препятствует образованию совершенного вида, точнее не допускает значения предельности. Действительно, *пользоваться авторитетом* - это не действие (как *пользоваться* - *воспользоваться вилок*), а состояние, которое в принципе не допускает значения предельности. В таком случае мы можем говорить о том, что эти глаголы, выпадая из описанного нами алгоритма, сводящего коллокации к свободному употреблению, тем не менее прекрасно вписываются в основной алгоритм образования видовых соответствий наряду со свободными глаголами как отдельные единицы.

Сюда же можно отнести и ряд других случаев, когда глагол в составе коллокации меняет аспектуальные характеристики, например, *приходить* в сочетаниях *приходить в упадок*, *приходить к выводу* приобретает возможность выражать процессное значение, чего в свободном употреблении он делать не мог.

Есть, однако, случаи, когда дефектность нельзя объяснить семантически, и отсутствие видовой пары - чисто узуальное явление. В частности, мы не видим семантических причин для отсутствия совершенного вида глагола *входить* в сочетании *входить в детали* (при видовой парности почти синонимичного *уточнить* - *уточнять*). То же мы предполагаем и для сочетаний с глаголами *Perfektiva tantum*. Отсутствие (или по крайней мере, затрудненность в образовании) соответствующих имперфективных форм определяется тем, что употребление данных сочетаний ограничено определенными контекстами, для которых не характерно значение процессности или многократности. Так, для *почитать память* контекст - штамп официальной речи, характерный для репортажа: *Присутствующие почтили его/их память вставанием/минутой молчания*.

Однако наряду с усилением роли узуса в некоторых (еще более редких) случаях наблюдается и обратное явление: дефектный глагол, не имеющий, по мнению большинства исследователей, видовой пары, оказывается строго парным при употреблении в составе коллокации. Таким является глагол *нести*, обычно не признаваемый парным (хотя некоторые кандидаты на роль парного перфектива имеются - *принести*, *донести*). В ряде коллокаций он имеет однозначную пару *понести*: *нести*- *понести* *убытки, утрату, наказание*. Здесь мы имеем дело с алгоритмом, не связанным со свободным употреблением глагола *нести*, а целиком сводимым к его связанному употреблению.

4.2.2. Дефектность в образовании страдательного залога - не менее распространенное явление среди коллокаций, чем отсутствие видовой пары. Однако оно менее заметно в связи с тем, что страдательный залог в целом представляется не такой важной категорией. Тем не менее, для подавляющего большинства переходных глаголов мы можем говорить о залоговых парах, образованных по алгоритмам, отдельным для совершенного (пассивное причастие) и несовершенного (частица *-ся*) видов.

Имеется довольно большое число словосочетаний с переходными глаголами, не допускающими образование обеих форм пассива (при полной регулярности этих глаголов в свободных сочетаниях), например, *брать/взять начало* (невозможно **начало берется/взято*), *терпеть/потерпеть аварию* (нельзя **авария терпится/потерплена*), *приводить/привести кого-либо в возмущение* (невозможно **кто-то приводится/приведен в возмущение*), *принести/приносить популярность* (невозможно **популярность приносится/принесена*). Как видно из отмеченных примеров, залоговая дефектность имеет место и в тех случаях, когда прямой объект входит в коллокацию (*приносить популярность*), и когда он вне ее (*приводить кого-либо в возмущение*).

Ряд случаев связан с залоговой дефектностью только в одном виде, причем иногда это объясняется отсутствием перфективной формы у глагола: *питать доверие*. В других же случаях залоговая дефектность в одном из видов (в совершенном) наблюдается у сочетаний, имеющих обе видовые формы *вселять/вселить веру, надежду, уверенность*. Вполне возможен пассив на *-ся* *вселяется вера*, но невозможен пассив совершенного вида **вселена вера*.

Образование страдательного залога обычно рассматривается как чисто синтаксическая операция, не связанная с семантикой. Поэтому дефектность глагольных коллокаций по залогу мы не можем связать с каким-то алгоритмом, базирующемся на новых значениях глаголов в их составе. Остается признать их чисто узуальными и отметить, что

таким образом снижается уровень алгоритмизируемости коллокаций по сравнению со свободными употреблениями, хотя и не очень сильно - число таких дополнительных дефектных глаголов не превышает (по приблизительной прикидке) одного процента всех глагольных словосочетаний.

4.2.3. Для имен существительных наиболее характерна дефектность по числу. Следует заметить, что среди свободных компонентов, образующих коллокации, вообще довольно много существительных, имеющих только единственное число, т.к. это абстрактные имена, напр. *ненависть, политика* и т.п. Однако очень часто (едва ли не в половине случаев) и те существительные, которые в свободном употреблении имеют обе формы, в составе коллокаций становятся *Singularia tantum*, напр. *брат под арест, перейти в наступление*.

Гораздо реже встречаются случаи *Pluralia tantum*: *принимать меры, возлагать надежды*.

Мы считаем, что здесь мы имеем дело с явлением узуального характера, хотя некоторые закономерности все-таки прослеживаются. В частности, существительные *арест, наступление* не обозначают конкретных событий, а описывают, условно говоря, способ действия. Иными словами, меняется их референциальный статус, что очень часто сопровождается отсутствием множественного числа.

Так что в принципе мы, как и в предыдущих случаях, можем говорить о том, что возникает новый алгоритм, действующий не на основных значениях слов, а на их употреблениях в составе коллокаций. (Для этого нам придется признать, что и свободные компоненты в той или иной степени меняют свое значение). Однако некоторое количество узуальных необъяснимых ограничений (как, например, *принимать меры*) все-таки останется. Причем степень полноты и эффективности обратного алгоритма (понимания, почему это так) не будет выше.

4.2.4. Для имен прилагательных мы отмечали случаи дефектности по образованию краткой формы, причем здесь отсутствие краткой формы - очень частое явление. В принципе только небольшое число прилагательных из числа тех, что в свободном употреблении имеют краткую форму, сохраняют эту способность и в составе коллокаций. Так невозможно: **встреча тепла* (надо *встреча теплая*) и т. п.

И здесь можно говорить о нарушениях существующего алгоритма и частично о возникновении нового. Однако вопрос об алгоритмизируемости образования краткой формы сам по себе достаточно запутанный, поэтому вряд ли в этом случае можно сказать что-то определенное.

4.2.5. Другие случаи грамматической дефектности (например, по склонению) практически не нарушали правил, установленных для слов вне словосочетаний, за исключением заведомо архаичных словосочетаний (типа *братъ верх, пить брудершафт*).⁷

4.3. Определенное отклонение от существующих в языке алгоритмов мы наблюдаем и при рассмотрении некоторых регулярных синтаксических трансформаций. Одним из примеров является прономинализация имен существительных, регулярная в свободных сочетаниях. Однако для многих коллокаций она затруднена или вообще невозможна, ср. свободное сочетание *избежать ареста* - *избежать его/этого/которого* и коллокацию *братъ под арест*, но не **братъ под него/под это/под который*. Нарушение алгоритма с трудом поддается какому-либо упорядочиванию с учетом связанных значений. Подробно этот вопрос рассматривается в Борисова, Захарова 1994.

4.4. Подводя итоги рассмотрению поведения коллокаций в других системах языка, можно отметить, что в целом они входят в большинство морфологических и грамматических систем. Однако в некоторых местах этих систем наблюдаются отклонения, частично описываемые как возникновение новых алгоритмов, базирующихся не на исходных значениях компонентов коллокаций, а на их новых семантических свойствах, возникших в несвободном употреблении. Можно заметить, что общезыковые грамматические алгоритмы на множестве коллокаций оказываются менее строгими. Но в целом это снижение не очень существенно.

Заметим, что и более "узализированные" подсистемы лексики, как например, идиомы, в целом тоже входят в грамматические системы без резких нарушений, хотя для них число исключений еще более значительно.

Выводы.

Мы рассмотрели коллокации русского языка с точки зрения роли и места алгоритмов и узуса. При этом мы рассматривали не только классические однозначные алгоритмы, но и такие их разновидности, рассмотрение которых разумно в человекоориентированных исследованиях, в том числе в лингводидактической парадигме. Это неполные, вероятностные и односторонние алгоритмы, которые организуют отношения менее строго, чем настоящие алгоритмы, и тем не менее

позволяют видеть некоторую организацию там, где иначе видится лишь хаос.

Алгоритмы по области определения (отправления) делились на два типа: алгоритмы на исходных значениях и алгоритмы на коллокациях и их новых значениях. Появление алгоритмов второго типа свидетельствует о возникновении системных отношений уже после воздействия узуса.

Алгоритмы относились к следующим областям: к образованию сочетаний, их пониманию и их употреблению в речи.

Результаты рассмотрения алгоритмов излагаются в следующей таблице (в скобках даются ссылки на параграфы, где эти вопросы обсуждаются).

Таблица

А. Образование коллокаций

1. По значению свободного компонента
(§3.1.1) Неполный, вероятностный (высокая степень), односторонний
2. По метафорическим связям свободного компонента
(§3.2) Очень неполный, вероятностный (низкая степень), односторонний
3. По парадигматическим отношениям несвободного компонента
(§3.2) Очень неполный, вероятностный, односторонний
4. По свободному значению несвободного компонента
(§3.3.2) Неполный, вероятностный (низкая степень), односторонний
5. По значению несвободного компонента в составе коллокации
(§3.3.1) Неполный, вероятностный, односторонний

Б. Понимание коллокаций

- По свободному значению несвободного компонента
(§3.4) Почти полный, вероятностный (очень высокая степень).

В. Функционирование коллокаций

- а) Глагольный вид
 1. По характеристикам глагола в свободном употреблении
(§4.2.1) Полный, вероятностный (высокая степень)
 2. По семантике несвободного значения
(§4.2.1) Полный, вероятностный (очень высокая степень)
- б) Залог
 - По характеристикам в свободном употреблении
(§4.2.2) Полный, вероятностный (не очень высокая степень)

в) Число существительных

1. По характеристикам в свободном употреблении

(§4.2.3) Полный, вероятностный

2. По значению в составе коллокации

(§4.2.3) Полный, вероятностный (высокая степень)

г) Краткая форма прилагательных

По характеристикам в свободном употреблении

(§4.2.4) Полный, вероятностный

д) Прономинализация

По характеристикам в исходном употреблении

(§4.3) Полный, вероятностный

В тех случаях, когда перед нами "неправильный" алгоритм - неполный, вероятностный, односторонний, он дополняется до нормального вида узусом: списками исключений, словарем и т.д.

Эта таблица позволяет видеть роль системности для коллокаций и место узуса, которое продолжает оставаться значительным, хотя, наверное, и более скромным, чем можно было ожидать, исходя из "общефразеологических" соображений.

Важно и то, что роль узуса оказалась несколько иной, чем она мыслится вначале. Если обычно об узусе говорят как о явлении, прикреплённом к фактам к чисто словарным, поверхностным единицам, то тут мы столкнулись с узусом, привязывающим к семантическим категориям, как например, в §3.1.5. (Впрочем, если считать узус неременным участником каждого алгоритма, как мы делаем, этот результат можно было предсказать - место прикрепления узуса тоже может варьировать).

Отказ от классического понимания алгоритма позволяет выделить больше упорядоченности даже там, где всегда видели узус.

Примечания

- ¹ Интересно, что хотя такие алгоритмы широко использовались как в практических, так и теоретических "несистемных" нестрогих описаниях языков, впервые оговорил его в явном виде как раз представитель "компьютерной метафоры" И.Мельчук, который предложил такой алгоритм для распознавания рода французских существительных по окончаниям. Он дает правильные результаты в 80% случаев, что может быть достаточно для некоторых, в том числе и "компьютерных" задач.

- ² На соотношения такого рода, обнаруживающихся в системах классификации существительных в ряде языков Австралии и Юго-Восточной Азии, обратил внимание Дж.Лакофф (см. Лакофф 1988), назвав их прототипическими.
- ³ Вообще узус присутствует в каждом алгоритме: сам факт "привязки" алгоритма к множеству, на котором он действует, уже является узуальным.
- ⁴ Заметим, впрочем, что рассматривая систему метафор, Лакофф не различает их источника - из коллокаций ли они, или из идиом, словообразования и т.п., что, может, и неважно с точки зрения когнитологии, однако существенно в лингвистическом плане (о различиях в метафорике между коллокациями и идиомами см. Борисова 1991).
- ⁵ Не исключен и такой вариант, когда эти два явления не противопоставлены друг другу, а существуют параллельно - появление новых значений и означает отражение возникших в представлении человека параллелей между понятиями. Однако мы не знаем научного аппарата, который позволил бы отразить эту одновременность.
- ⁶ Есть более сложные для распознавания случаи, когда соотношение между прямым и исходным значениями связано с физическими ощущениями (*щекотливый вопрос*), ассоциациями и т.п.
- ⁷ Однако заслуживает внимания такой факт, как невозможность или по крайней мере затрудненность использования некоторых словосочетаний без отрицания (что наблюдается и для некоторых слов в свободном употреблении). Например, *входить в детали, подробности* обычно употребляется после отрицания: *Он не входит в детали.*

Л и т е р а т у р а

Апресян, Ю.Д. 1974 *Лексическая семантика*, Москва.

Арутюнова, Н.Д. 1976 *Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы*, Москва.

Борисова, Е.Г. 1989 "Устойчивая сочетаемость как показатель языкового сознания", *Тезисы докладов и сообщений. Международный симпозиум МАПРЯЛ по лингвострановедению*, Т. 2 Одесса, 27-29.

- Борисова, Е.Г. 1990 "Типология составляющих пакета 'Устойчивые сочетания'", *Фразеография в Машинном фонде русского языка*, Москва.
- Борисова, Е.Г. 1991 "Зоны аналогий (идеография лексических функций)" *Известия АН СССР. Сер. языка и литературы*, 3/1991, 274-280.
- Борисова, Е.Г. Захарова, О.В. 1994 "О значении несвободных компонентов устойчивых словосочетаний", *Филологические науки*, 4/1994 (в печати).
- Вейнрейх, У. 1970 "О семантической структуре языка", *Новое в лингвистике*, вып. 5, Москва, 212.
- Виноградов, В.В. 1972 *Русский язык*, Москва.
- Гак, В.Г. 1972 "К проблеме семантической синтагматики", *Проблемы структурной лингвистики 1971*, Москва.
- Жолковский, А.К., Мельчук, И.А. 1967 "О семантическом синтезе" *Проблемы кибернетики*, вып. 19, Москва.
- Копыленко, М.М. 1973 *Сочетаемость лексем в русском языке*, Москва.
- Копыленко, М.М., Попова, З.Д. 1972 *Очерки по общей фразеологии*, Воронеж.
- Лакофф, Дж. 1988 "Мышление в зеркале классификаторов", *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 23, Москва.
- Лариохина, Н.М. 1967 "Употребление устойчивых глагольно-именных словосочетаний с глаголами делать, совершать, производить", *Русский язык за рубежом*, 2, 35-38.
- Мордвилко, А.П. 1964 *Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты)*, Ленинград.
- Телия, В.Н. 1981 *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*, Москва.
- Убин, И.И. 1978 *Словарь усилительных словосочетаний для русского и английского языков*, Москва.

- Успенский, В.А. 1979 "О вещных коннотациях абстрактных существительных". *Семиотика и информатика*, вып.11, 142-14,
- Широкова, Л.И. 1983 "Предисловие", Регинина К.В., Тюрина Г.П., Широкова Л.И. *Устойчивые словосочетания русского языка*, Москва.
- Lakoff, G., Johnson, M. 1980 *Metaphors we live by*. Chicago.
- Reuther, T. 1994 "On dictionary entries for support verbs: the cases of Russian *vesti*, *provodit'*, *proizvodit'*", L.Wanner (ed.) *Lexical functions*, Amsterdam (in print).